

УДК 330

Марина КЛИНОВА

ГОСУДАРСТВО-ПОКРОВИТЕЛЬ: СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА ПЕРЕПУТЬЕ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы “государства-покровителя” или социального государства в Европе. Показано, что социальное государство имеет исторические корни, подразделяется на ряд разновидностей. Особое внимание к этой проблематике традиционно уделяется во Франции и в исследованиях французских специалистов. Проанализированы как прежние, давно существующие, так и новые, назревшие проблемы социального государства. Выдвинута гипотеза, что нынешняя концепция государства-покровителя будет трансформироваться вследствие изменения социально-экономических условий и политического ландшафта в европейских странах.

Ключевые слова: государство, европейская социальная модель, ВВП, госрасходы, человеческий капитал, рынок, кризисы.

Проблематика европейского социального государства и европейской социальной модели, принципы которых в основе европейского строительства отражены в Лиссабонском договоре, приобрела особую актуальность. Важность ей придают кризисы первого десятилетия XXI в. и старение населения. Данной теме посвящены многочисленные книги и статьи зарубежных учёных, в том числе изданные при сотрудничестве с Международным центром исследований и информации по проблемам государственной, социальной и кооперативной экономики (*CIRIEC*) [Lorenzi, Berrebi, 2016; Lorenzi, Villemeur, Xuan, 2016; Lorenzi, 2016; Quel..., 2016; Lefebvre, Pestieau, 2017 и др.]. Отечественные специалисты также не обошли вниманием эту тематику. Только в 2016 г. был опубликован ряд работ, среди них особого внимания заслуживают коллективные [Социальное развитие..., 2016; Социальное государство..., 2016; Социальный контекст..., 2016].

В статье выделен ряд черт формирования европейской модели государства-покровителя, представлены его типы, прослежена эволюция государственных рас-

---

© Клинова Марина Вилениновна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. **Адрес:** 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23.
E-mail: marina.v.klinova@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019151162>

ходов в странах ЕС в сопоставлении с США, Канадой, Австралией, Норвегией с начала XXI в. с точки зрения типологии государства-покровителя, оценены перспективы его реформирования.

Понятие, история термина и типы государства-покровителя

Единого определения “государства-покровителя” (фр. *État-providence*) нет. Обычно имеется в виду применение государством совокупности мер вмешательства в социальную сферу через систему социального обеспечения, чтобы гарантировать населению определённый уровень благосостояния. Этот уровень устанавливается государством для обоснования своего участия в социальных процессах.

Наиболее близким к понятию государства-покровителя является понятие социального государства. В нём развитая рыночная экономика сочетается с участием государства и его институтов в решении социальных вопросов (в основном через систему госрасходов) в целях повышения уровня благосостояния граждан и сокращения неравенства. Можно согласиться с мнением, что в долгосрочной перспективе неравенство в доходах внутри одной страны представляет большую опасность, чем подобное неравенство между странами [Piketty, 2014: 432].

Термин “государство-покровитель” появился в конце XIX в. во Франции, писал о нём политик Э. Оливье, правда, в отрицательном ключе – в контексте “безмерно-го расширения социальных прав” социалистами после революции 1789 г. [Olivier, 1867: 152].

Одним из первых социальных преобразований государства стали реформы Бисмарка в Германии 1880-х гг. В XX в. на Западе по мере развития системы социального обеспечения государство-жандарм (*État gendarme*), по терминологии французского исследователя А. Сюпио [Supiot, 2016: 714], стало превращаться в государство-покровителя с принятием на себя социальных обязательств.

Государство-покровитель, или социальное государство, было провозглашено в 1945 г. во Франции Национальным советом сопротивления. Это стало компромиссом, призванным обеспечить баланс интересов рынка и общества: в послевоенное “славное тридцатилетие” (1945–1973) ежегодные темпы прироста ВВП Франции составляли в среднем 5,3% [Lorenzi, Villemeur, Xuan, 2016: 17, 19].

В те годы правительства в странах Европы, по кейнсианским постулатам, стимулировали деловую активность, эффективный спрос, снижали безработицу инструментами налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики (в частности, социальными мерами поддержки домохозяйств). В обиход вошло и англосаксонское понятие *государства благосостояния или государства благоденствия (welfare state)* в противовес государству, в котором “двигателем развития выступает война” (*warfare state*) [Eland, 2013: 189]. Воплощением этой концепции стала нацистская Германия [Lefebvre, Pestieau, 2017: 9]. Ранее, в 1906 г. ученик М. Вебера О. Хинце по поводу *warfare state* писал: “Форма и дух организации государства определяются не только социально-экономическими отношениями и столкновением интересов, но прежде всего потребностями обороны и нападения, то есть организацией армии и военных действий” [Hintze, 1975: 183].

После Второй мировой войны для создания и развития социально-ориентированной модели государства (при сохранении преимуществ рыночной экономики), в условиях ограниченных ресурсов появилась концепция “согласован-

Современная Европа, 2019, №2

ной экономики” (*concerted economy*). В ней предусматривалась разработка государством совместно с предпринимательским сообществом программ развития экономики с привлечением финансовых ресурсов государства и частного сектора. Этому способствовала и конкуренция, которая предъявляла жёсткие требования к организации бизнеса в условиях открытия рынков (снижения таможенно-тарифных барьеров). Тем самым закладывались основы углубления международного торгового-экономического и производственного сотрудничества в ХХI в. Сегодня оно приняло форму глобальных цепочек создания стоимости в различных, иногда значительно удалённых друг от друга регионах мира, наиболее благоприятных с точки зрения снижения производственных издержек и максимально эффективного использования трудовых навыков рабочей силы.

Динамичное развитие западных экономик, когда все участники хозяйственной деятельности были в выигрыше – росли занятость и зарплата, предприниматели получали приемлемую маржу прибыли, расширялась система социального обеспечения – наблюдалось до 1970-х гг. “Идиллия” была прервана синхронизацией ряда структурно-отраслевых (энергетика) и циклических кризисов (1974–1975, 1981–1982).

В третьей четверти ХХ в. государство боролось то с инфляцией, то с безработицей, ограничивая или расширяя совокупный спрос, по Кейнсу. В 1970-х гг. спад экономики и повышение нормы безработицы стали параллельны росту инфляции. Наблюдавшаяся стагфляция была порождена нехваткой сырья и энергии и ростом цен на них, продолжающимся в условиях перепроизводства. Отсюда паралич кейнсианской антициклической политики, обострение социально-экономических проблем государства-покровителя (государства благосостояния).

Падение цен на нефть благодаря внедрению в период высоких цен энергосберегающей техники и расширению мощностей по добыче положили конец энергетическому кризису и стагфляции. Реальных результатов в борьбе с инфляцией удалось достичь в середине 1980-х гг. путём реализации иной, монетарной (по М. Фридмену) концепции экономической политики. С 1980-х гг., наряду с постепенным стиранием торговых барьеров, повсеместно началось ослабление институтов, основанных на идее т.н. социальной справедливости – сначала в США и Великобритании, затем в ЕС [Supiot, 2016: 706].

Содержание понятия “государство-покровитель” различается по странам и во многом зависит от исторических традиций, социально-экономической роли, инструментов вмешательства, наконец, от размеров социальных обязательств государства. По ряду признаков можно выделить типы государства-покровителя в зависимости от организации системы социальной защиты.

В 1990 г. датский экономист Г. Эспинг-Андерсен провёл анализ роли государства в социальном обеспечении в 18 странах [Esping-Andersen, 1990: 26–27]. Выявлено три различных типа государства-покровителя: либеральный, (консервативно)-корпоративистский и социал-демократический. Типы выделены на основании ряда переменных: социальных прав (универсалистские / минималистские; основанные на помощи или на страховании); принципов перераспределения средств и их связи с социальной стратификацией; соотношения обязательств между государством, рынком и семьёй (таблица 1).

Таблица 1.

Типология европейских социально-экономических моделей

<i>Тип</i>	<i>Особенности</i>	<i>Примеры стран</i>
<i>Либеральный</i>	Государство действует в крайнем случае, стремясь побудить индивида скорее вернуться на рынок труда; социальные трансферты, социальная защита минимальны; адресная помощь только самым нуждающимся	Великобритания, США, Канада, Австралия
<i>Консервативно-корпоративистский</i>	Особая роль традиционных семейных (и религиозных) ценностей; общее обязательное социальное страхование возложено на работника; качество социального обеспечения зависит от профессии и доходов	Австрия, Бельгия, Германия, Италия, Франция
<i>Социал-демократический (универсалистский)</i>	Поддержка государством независимо от доходов; равенство по высоким стандартам; усиление <i>личной независимости</i> от семьи – “сочетание либерализма и социализма”. Высокая степень социальной защищённости и возможность пользоваться услугами социальных служб требует максимальной занятости трудоспособного населения и минимума живущих на социальные пособия	Дания, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швеция

Составлено по: *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism, 1990; *Lefebvre M., Pestieau P.* L'État-providence. Défense et illustration, 2017.

Типы государства-покровителя характеризуются разной степенью зависимости социальной сферы от законов рынка (*démarchandisation*). Вмешательство государства нацелено на сокращение подобной зависимости индивидов или семей для обеспечения социально приемлемого уровня жизни. Апогеем такого рода независимости можно считать универсальное или всеобщее распределительно-социальное государственное обеспечение [Lefebvre, Pestieau, 2017: 58] с опорой на систему госрасходов.

Эволюция государственных расходов

Европейская социально-экономическая модель предусматривает рыночную экономику с “прочной системой социальной защиты”. Рост жизненных стандартов порождает требования к государству-покровителю предоставлять больше общественных благ (*collective goods*) [Stiglitz, 2016: 21, 40]. Это предполагает расширение роли государства и его расходов.

Государство на протяжении тридцати послевоенных лет успешно снижало волатильность рынка: путём регулирования внутреннего спроса сглаживались циклические колебания. Рост госрасходов на инфраструктуру, включая социальную (развитие человеческого капитала через финансирование фундаментальной науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения), содействовал созданию благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата, способствуя повышению конкурентоспособности экономики.

Современная Европа, 2019, №2

Немецкий экономист А. Вагнер писал о провале попыток определить оптимальную верхнюю границу доли госрасходов в национальном доходе [Classics..., 1967: 7]. Нобелевский лауреат Дж. Тобин отмечал невозможность точно установить долю в ВВП, которую не следует превышать при определении нормы изъятия средств в государственный бюджет.

Страны, где в ВВП высока доля бюджетных расходов, необязательно характеризовались худшей динамикой развития. Французские экономисты полагают, что “нет никакой корреляции между этими переменными” [Фонтанель, Самсон, 2005: 100]. В защиту такой позиции приводится ряд аргументов – обеспечивается сглаживание социального неравенства с помощью налогов, поощрение технических нововведений и обмена капиталами, поддержание позиций в глобальной конкуренции и пр. Расходы государства на социальные цели сделали экономики более устойчивыми, заложив долговременные условия для их роста.

Дж. Тобин на основе анализа международного опыта отмечал отсутствие очевидной обратно пропорциональной связи между успешным управлением макроэкономикой и размерами госсектора, социальными трансфертами. Более того, он подчёркивал, что ряд стран, макроэкономической эффективности которых “можно позавидовать”, обладают более обширным госсектором (по сравнению с США – М.К.), имеют более “щедрое” социальные программы [Tobin, 1989: 107]. Очевидно, имелись в виду северные страны Европы.

Имеются и объективно разумные пределы увеличения доли госрасходов в ВВП, выход за которые рост сдерживает. Неизменно актуальная задача – определение уровня госрасходов, который бы не тормозил инвестиционную активность и экономический рост. Имелись подсчёты, согласно которым для развитых стран увеличение на 5 процентных пунктов (п.п.) доли госрасходов в национальном доходе уменьшало темп прироста ВВП на 1 п.п. Результат, однако, различен по странам [Zandano, 1985: 92].

Существует мнение, что государственное потребление, расходы на социальное страхование негативно влияли на рост экономики (в отличие от государственных инвестиций, которые рост стимулировали). Такой вывод сделан при сопоставлении темпов прироста ВВП и доли госрасходов в 16 крупнейших развитых экономиках.

Среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения составили в них 6,3% в 1955–1973 гг., 2% – в 1973–1979 гг. В это же время доля госрасходов в ВВП составила в среднем 27% в 1955 г., 34% – в 1970 г. и 43% – в 1979 г. Это дало основания предположить, что увеличение госрасходов могло стать одной из причин замедления роста экономики [Landau, 1985: 459]. Схожее мнение высказывается и в исследовании ряда стран ЕС в 1971–2006 гг. Подсчитано, что в 1970–2004 гг. увеличение на 1 п.п. госрасходов было способно снизить выпуск продукции на 0,12 и 0,13 п.п. в странах ОЭСР и ЕС соответственно [Afonso, González-Alegre, 2008: 6, 32; Afonso, Furceri, 2008: 5, 24].

В 1994–2012 гг., рассматривая ЕС *в целом*, исследователи из Испании и Чехии тоже негативно оценили связь госрасходов (в частности, социальных взносов) и экономического роста. По *отдельным* странам результаты разнятся [Pascual Sáez et al, 2017: 132; Zimčík, 2016: 87, 97]. Так, испанские учёные выявили положительный характер такой связи в Португалии и Великобритании, негативный – в Австрии, Италии, Финляндии, Швеции. Для Бельгии, Греции, Ирландии, Испании, Люксем-

бурга, Нидерландов, Франции связь была нейтральной. Заметим, что страны принадлежат к разным типам государства-покровителя, и закономерности тут не прослеживаются.

В большинстве стран ЕС сейчас через госбюджет перераспределяется около половины, а в некоторых – более половины ВВП. Данные по Великобритании (а также США, Канаде, Австралии, представляющим либеральную модель государства-покровителя) отличаются от данных по странам, представляющим два других типа государства-покровителя.

В англосаксонских странах доля госрасходов в ВВП существенно ниже, что подтверждает их минималистский подход к вмешательству государства в социально-экономическую сферу (таблица 2). Во всех названных странах наблюдается повышение доли госрасходов в ВВП в периоды циклических спадов. Это с наибольшей силой проявилось в 2008–2009 гг.

Таблица 2.

Государственные расходы (% ВВП) по типам государства-покровителя

Годы	Либеральный				Консервативно-корпоративистский					Социал-демократический (универсалистский)				
	Вели- кобри- тания	США	Ав- стра- лия	Канада	Ав- стрия	Бельгия	Фран- ция	ФРГ	Италия	Нидер- ланды	Дания	Финлян- дия	Швеция	Норве- гия
2001– 2007	36,7	33,4**	34,9	39,5	51,1	49,4	52,7	45,8	47,1	42,2	51,9	47,7	51,3	42,8
2008	40,5	37,0	35,1	38,8	49,9	50,3	53,3	43,6	47,8	42,3	50,4	48,3	49,0	39,6
2009	44,1	41,1	37,8	43,4	54,1	54,2	57,2	47,6	51,2	46,7	56,5	54,8	51,7	45,4
2010	44,5	39,6	37,0	43,1	52,8	53,3	56,9	47,3	49,9	47,0	56,7	54,8	49,7	44,3
2011	43,2	38,6	36,3	41,6	50,9	54,5	56,3	44,7	49,4	46,0	56,4	54,4	49,2	43,1
2012	43,3	37,0	36,6	40,9	51,2	55,9	57,1	44,3	50,8	45,9	58,0	56,2	50,2	42,3
2013	41,4	35,5	36,5	40,0	51,6	55,8	57,2	44,7	51,1	45,7	55,8	57,5	50,9	43,3
2014	40,5	35,0	36,8	38,4	52,3	55,3	57,2	44,0	50,9	44,9	55,2	58,1	50,1	45,1
2015	39,7	34,6	37,4	40,0	51,0	53,7	56,8	43,7	50,3	43,8	54,5	57,1	48,7	48,0
2016	38,9	35,0	37,4	40,6	50,2	53,0	56,6	43,9	49,0	42,8	52,7	55,9	48,8	49,9
2017	38,4	34,8	36,4	40,3	49,0	52,2	56,5	43,9	48,9	42,6	51,2	54,0	48,4	49,1
2018*	38,3	35,1	36,8	40,6	48,5	52,1	56,2	43,9	48,5	42,4	52,2	52,8	48,7	47,7
2019*	38,3	35,7	37,4	40,7	47,8	51,9	55,7	44,3	49,2	43,4	52,1	52,1	48,8	47,8
2020*	38,2	35,9	36,6	40,7	48,2	51,8	54,4	44,3	49,9	43,5	51,7	51,8	49,0	47,4

* 2018–2020 гг. – оценки МВФ, ** – данные за 2002–2007 гг.

Источник: рассчитано по World Economic Outlook Database, April 2019.

В ряде стран (англосаксонских Великобритании, США, Австралии, а также Бельгии, Франции, Италии, Финляндии, Норвегии) циклические отклонения сочетались с долгосрочной тенденцией роста доли госрасходов в ВВП. Не выражена долговременная тенденция к увеличению доли госрасходов у Нидерландов. Практически стабильными в долгосрочном плане были доли госрасходов в Дании, Канаде, относительно стабильными со слабо выраженной тенденцией к снижению – в Австрии, ФРГ.

Из представленных стран Швеция – единственная, где прослеживается долговременная устойчивая тенденция понижения доли госрасходов в ВВП. Главная

проблема, по-видимому, состоит в экономии на социальных расходах. Кризис т.н. шведской социально-экономической модели наметился ещё в конце XX в.

В XXI в. обострение конкуренции на мировом рынке со стороны крупных развивающихся стран, прежде всего Китая, потребовало увеличения расходов на НИР и инновации и снижения расходов на социальные цели. В целом доминировала ориентация на опыт США как наиболее конкурентоспособного представителя англосаксонского типа государства-покровителя.

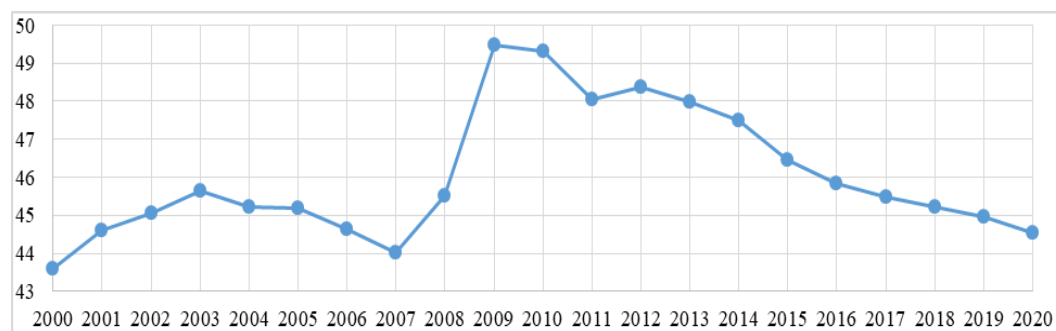
Страны по-разному адаптируются к новым условиям международной конкуренции. Так, в начале XXI в. доля госрасходов в ВВП Канады была существенно выше, чем у других представителей либерального типа государства-покровителя. К 2016 г. разрыв сократился за счёт повышения доли госрасходов в ВВП у остальных экономик этого типа.

Наиболее конкурентоспособные представители континентальной части ЕС, такие как Австрия и ФРГ, провели корректировку социально-экономической политики в конце XX – начале XXI вв., поэтому в XXI в. в долгосрочном плане в них доли госрасходов в ВВП менялись мало.

В большинстве стран ЕС после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и последовавшего кризиса суверенных долгов стран еврозоны [Экономика... 2013] модель государства-покровителя испытывает проверку на прочность. На смену вынужденному резкому росту в ЕС госрасходов в 2007–2009 гг. пришло поэтапное сокращение их доли в ВВП после 2012 г. (график 1).

График 1.

Государственные расходы в ЕС в среднем в 2000–2020 гг. (% ВВП)

Источник: Eurostat.

Ранее в периоды экономической нестабильности усиливалась социальная защита наиболее уязвимой части общества. Характерной чертой сегодня является обострение противоречий внутри государства-покровителя. Так, возникает вопрос, законно ли заставлять оплачивать услуги здравоохранения одного поколения за счёт следующего [Tibi, 2013: 165].

В XXI в. наблюдается трансформация структуры госрасходов – в ВВП растёт доля расходов на человеческий капитал. Только расходы на образование в среднем в странах ЕС составляют 10% их госрасходов. Примечательно, что в соответствии с концепцией сильного государства-покровителя основную часть расходов на выс-

шее образование и среднее специальное образование в ЕС несёт государство (свыше 50%), в отличие от США, где 64% расходов на эти цели составляют частные инвестиции [Investment..., 2017: 5]. На этот показатель не оказал существенного влияния даже кризис 2008–2009 гг. В странах ОЭСР в целом госрасходы на социальные нужды составляли в 2016 г. в среднем 22% ВВП, причём основная их часть шла на пенсии и здравоохранение [Panorama..., 2016: 117].

Примечательно, что исследования связи человеческого капитала с экономическим ростом показывают, что максимум его положительного вклада в развитие экономики наблюдается при сформированных институтах и предоставлении государством т.н. социальных возможностей (*social capabilities*). Независимо от вложений в человеческий капитал потенциал высококвалифицированной рабочей силы не будет полностью раскрыт и использован в интересах динамичного экономического роста, если государство не будет выступать в роли покровителя, обеспечивая соответствующие условия [Ali et al, 2018].

Модель государства-покровителя нуждается в приспособлении к современным реалиям, а не “славного тридцатилетия”, когда она развивалась. Общественный договор подлежит корректировке, чтобы социальные расходы коррелировали с темпами прироста ВВП (таблица 3).

Таблица 3.

Темпы прироста ВВП (%)

Годы	Великобритания	США	Австралия	Канада	Австрия	Бельгия	Франция	ФРГ	Италия	Нидерланды	Дания	Финляндия	Швеция	Норвегия
2001-2007	2,8	2,5	3,4	2,5	2,3	2,1	1,9	1,4	1,2	2,0	1,6	3,2	3,0	2,3
2008	-0,3	-0,1	2,7	1,0	1,5	0,8	0,3	0,8	-1,1	2,2	-0,5	0,7	-0,6	0,5
2009	-4,2	-2,5	1,9	-2,9	-3,8	-2,3	-2,9	-5,6	-5,5	-3,7	-4,9	-8,3	-5,2	-1,7
2010	1,7	2,6	2,4	3,1	1,8	2,7	1,9	3,9	1,7	1,3	1,9	3,0	6,0	0,7
2011	1,6	1,6	2,8	3,1	2,9	1,8	2,2	3,7	0,6	1,5	1,3	2,6	2,7	1,0
2012	1,4	2,2	3,9	1,8	0,7	0,2	0,3	0,7	-2,8	-1,0	0,2	-1,4	-0,3	2,7
2013	2,0	1,8	2,1	2,3	0,0	0,2	0,6	0,6	-1,7	-0,1	0,9	-0,8	1,2	1,0
2014	2,9	2,5	2,6	2,9	0,7	1,3	1,0	2,2	0,1	1,4	1,6	-0,6	2,6	2,0
2015	2,3	2,9	2,5	0,7	1,1	1,7	1,1	1,5	0,9	2,0	2,3	0,1	4,5	2,0
2016	1,8	1,6	2,8	1,1	2,0	1,5	1,2	2,2	1,1	2,2	2,4	2,5	2,7	1,2
2017	1,8	2,2	2,4	3,0	2,6	1,7	2,2	2,5	1,6	2,9	2,3	2,8	2,1	2,0
2018*	1,4	2,9	2,8	1,8	2,7	1,4	1,5	1,5	0,9	2,5	1,2	2,4	2,3	1,4
2019*	1,2	2,3	2,1	1,5	2,0	1,3	1,3	0,8	0,1	1,8	1,7	1,9	1,2	2,0
2020*	1,4	1,9	2,8	1,9	1,7	1,4	1,4	1,4	0,9	1,7	1,8	1,7	1,8	1,9

* 2018–2020 гг. – оценки МВФ

Источник: рассчитано по World Economic Outlook Database, April 2019.

Темпы прироста ВВП несколько выше в англосаксонских странах либерального типа государства-покровителя в сравнении с представителями других типов. В целом в развитых странах преобладает долговременная тенденция к снижению темпов прироста ВВП. Общая причина заключается в обострении конкуренции со стороны развивающихся экономик. Масштабы сбыта новой продукции у развитых стран не столь значительны как во второй половине XX в., когда они господствовали на мировом рынке.

Современная Европа, 2019, №2

Реформирование модели социального государства

Государство-покровитель в Европе с конца 1970-х гг. переживает кризис. Первым об этом заявил в 1981 г. французский социолог П. Розанваллон и выделил три его аспекта: 1) финансовый (с середины 1970-х гг.) (самый легко измеряемый. – М.К.); 2) эффективности (с 1990-х гг. – М.К.) – государство неспособно решить проблему безработицы, замедляется движение “социальных лифтов” – на наш взгляд, самый важный аспект; 3) легитимности – отсутствие прозрачности государственных расходов.

В качестве ответа на кризис социально-экономической модели государства-покровителя возможен широкий подход, выходящий за рамки традиционных дебатов преимущественно финансового плана – по поводу операций с госсобственностью, приватизации или, напротив, огосударствления. Предложен пересмотр социального контракта между государством и обществом в направлении децентрализации и автономизации. Это может происходить путём придания большей гибкости хозяйственной деятельности и дебюрократизации государства, наряду с признанием возросшей самостоятельности отдельных лиц и групп. Гарантами будут как государственные институты, так и коллективные структуры (Розанваллон называет профсоюзы) [Rosanvallon, 1981: 112, 136]. Позднее он писал, что идеология “ультраминимального государства вышла из моды”, подчёркивая непреходящую роль государства-покровителя в поддержке социального сплочения. При этом необходимы реформы, чтобы оно могло играть свою роль [Rosanvallon, 1995: 10].

Реформирование сложившейся модели государства-покровителя – вопрос прежде всего (но не только) экономический, связанный с опережающими темпами прироста расходов государства в сравнении с ВВП. Важен и этический аспект, непосредственно касающийся отношений государства и индивидуумов. Государства поставлены перед выбором: увеличивать свои доходы или сокращать расходы на социальное обеспечение. Старение населения придаёт дополнительную остроту проблеме, исключая второй вариант дилеммы. По сути, выбора нет.

Противостояние государства и индивидуумов по вопросу госрасходов принимает форму распространения подпольной хозяйственной деятельности, серых зарплатных схем, уклонения от уплаты налогов и т.д. Индивидуум воспринимает государство уже не как “покровителя”, а как “жандарма”. В таком государстве социальные цели отходят на второй план.

Финансирование растущих социальных расходов связано с прямым налогообложением, особенно прибыли (прежде всего, компаний), что может негативно влиять на частные инвестиции в производство и, соответственно, на рост экономики. Отрицательное влияние оказывают чрезмерные налоги на доходы физических лиц и прибыли корпораций, ослабляя стимулы к трудовой и предпринимательской деятельности. Косвенные налоги (на имущество и расходы), напротив, могут стимулировать поиск новых организационно-технических решений и в итоге способствовать повышению эффективности и конкурентоспособности. В ряде сфер (налоги на ресурсы) повышение ставок налогов может стимулировать вложения в модернизацию производства, создание передовых технологий.

Экономика и социальные модели стран Европы, значительная часть которых входит в состав ЕС, переживают эпоху пертурбаций, сталкиваясь с потребностью в структурных реформах. Тем не менее существует ряд непреходящих основных

принципов европейской социальной модели: социальная солидарность, поддержка конкурентоспособной экономики, возможность жить в экологически благоприятном климате, соблюдение прав человека и демократических свобод [Социальное развитие, 2016: 18]. Несмотря на различия национальных моделей, указанные принципы уважаются и остаются неизменными.

Потребность в реформировании экономической политики связана с обострением конкурентной борьбы со странами с более низким уровнем социальной защищённости работников и, соответственно, с более низкими издержками производства, в которые из Европы осуществлялся перенос производств. За 1980–2007 гг. только во Франции было упразднено порядка 71 тыс. рабочих мест [Lorenzi, Berrebi, 2016: 117]; в промышленности Франции – 63% рабочих мест [Lefebvre, Pestieau, 2017: 221], что связано с проигранной конкурентной борьбой.

Перенос производства ведёт к увеличению социальных расходов: переобучение высвобождающейся рабочей силы требует дополнительных ассигнований на образование и профессиональную переподготовку, обеспечение социальной защищённости в переходный период переподготовки и переобучения [Lefebvre, Pestieau, 2017: 217]. Одновременно наблюдаются рост продолжительности жизни, снижение рождаемости, старение населения. При этом оно по-прежнему ожидает от государства-покровителя поддержки, которая во избежание дальнейшего расслоения стала особенно востребованной перед лицом экономических трудностей и связанных с ними хозяйственных реформ. Это влечёт за собой потребность в постоянном увеличении государственных расходов в социальной сфере, особенно в части развития человеческого капитала.

Затраты государства на человеческий капитал – прежде всего на здравоохранение, образование – не дают быстрого эффекта. Они представляют собой разумные вложения “для приобретения умственных и социальных сил..., чтобы обеспечить себе выгоды в будущем”, на что ещё в XIX в. указывал немецкий экономист Ф. Лист [Лист, 2005: 131]. Европейская модель государства-покровителя сталкивается с многочисленными вызовами в условиях глобализации. Среди них – необходимость структурных реформ в связи с резким обострением международной конкуренции; борьба с долгосрочной безработицей, рост расходов на здравоохранение, пенсионное обеспечение и поддержку лиц глубокого пенсионного возраста.

К давно известным проблемам в ЕС добавились в XXI в. новые. В их числе – кризис государственных финансов, миграция из стран Ближнего Востока, Африки. Большой упор делается не на стимулирование занятости, а на социальные трансферты [Lefebvre, Pestieau, 2017: 216]. Это – попытка *ad hoc*, без учёта долговременных перспектив решить назревшие проблемы растущей стратификации общества по доходам, ослабление среднего класса, понятие которого становится всё более расплывчатым. Согласно исследованию Еврокомиссии 2017 г., из рассмотренных 29 европейских стран (не только членов ЕС – М.К.) наибольшее расслоение по доходам в 2012 г. было отмечено в Латвии и Португалии, наименьшее – в Словении и не входящей в ЕС Норвегии [Monitoring, 2017: 113].

Европейская модель государства-покровителя находится в процессе постоянного реформирования, но на значимые действия требуется политическая воля. Партии, не желая потерять поддержку избирателей, а также профсоюзы зачастую тормозят необходимые перемены. На фоне роста недоверия к социал-демократам, которые

защищали принципы социального государства, избиратели склонились в сторону правых националистов и левых популистов [Трансформация..., 2017: 121–132].

Проблему социального раскола нельзя упрощать, сводя только к различиям в доходах. Различия в доходах можно в определённой мере нивелировать путём госрасходов, социальных трансфертов. Как подчёркивают исследователи из Бюро теоретической и прикладной экономики (*Bureau of Theoretical and Applied Economics, BETA*) Страсбургского университета, проблема в том, что “раскол общества не сводится к пропасти между богатыми и бедными” [Lefebvre, Pestieau, 2017: 227]. Существуют проблемы иного порядка – опасения лишиться работы и социального статуса, пессимистическое восприятие своего будущего. Это необходимо учитывать государству при проведении социальной политики.

Изменения социально-экономической и политической обстановки после кризисов 2008–2009 гг. и суверенных долгов отягощают проблемы государства-покровителя, создают риски для европейской социальной модели. Протекающие в мире глобальные социально-экономические процессы различного характера требуют усиления поддержки государства-покровителя, но этого не происходит.

Как показывают данные статистики, на расширение госрасходов для усиления поддержки государства-покровителя не готова ни одна страна. Речь может идти о перераспределении государственных средств: увеличения одних статей госрасходов за счёт уменьшения других. С учётом важности человеческого капитала для развития экономики статьи расходов в социальной сфере не будут сокращаться. Значит, государство-покровитель сохранится, но вероятнее всего с усилением черт либерального, а не в корпоративистского или социал-демократического типа.

Список литературы

- Гонтмахер Е.Ш., Гришин И.В., Цапенко И.П. (отв. ред.) (2016) *Социальный контекст экономического развития в XXI веке*, ИМЭМО РАН, Москва, Россия.
- Гуселетов Б.П. (отв. ред.) (2017) *Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса*, Ч. I, Доклады Института Европы, №337, Ин-т Европы РАН, Москва, Россия.
- Каргалова М.В. (ред.) (2016) *Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы*, Доклады Института Европы, № 326, Ин-т Европы РАН, Москва, Россия.
- Квашнин Ю.Д. (отв. ред.) (2016) *Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее*, ИМЭМО РАН, Москва, Россия.
- Кузнецов А.В., Хесин Е.С. (ред.) (2013) *Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов*, ИМЭМО РАН, Москва, Россия.
- Лист Ф. (2005) *Национальная система политической экономики*, Европа, Москва, Россия.
- Фонтанель Ж., Самсон И. (2005) *Российское государство и экономика: трудные взаимоотношения*, Изд-во СПб ГУЭФ, Санкт-Петербург, Россия.

References

- Afonso A., Furceri D. (2008) *Government size, composition, volatility and economic growth*, ECB, Frankfurt am Main, Germany.
- Afonso A., González-Alegre J. (2008) *Economic growth and budgetary components: A panel assessment for the EU*, ECB, Frankfurt am Main, Germany.
- Ali M., Egbetokun A., Memon M.H. (2018) Human Capital, Social Capabilities and Economic Growth, *Economies*, no. 6.
- Atkinson A.B., Guio A.-C., Marlier E. (eds.) (2017) *Monitoring Social Inclusion in Europe*, Publ. Off. of the EU, Luxembourg.
- Eland I. (2013) Warfare State to Welfare State Conflict Causes Government to Expand at Home, *The Independent Review*, no. 2, pp. 189–218.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton Univ. Press, Princeton, USA.

- Fontanel' Zh., Samson I. (2005) *Rossijskoe gosudarstvo i ehkonomika: trudnye vzaimootnoshe-niya*, Izd-vo SPb GUEF, Saint-Petersburg, Russia.
- Gontmaher E.Sh., Grishin I.V., Tcapenko I.P. (eds.) (2016) *Social'nyj kontekst ehkonomicheskogo razvitiya v XXI veke*, IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Guseletov B.P. (ed.) (2017) Transformaciya partijno-politicheskogo landshafta v stranah Evrosoyuza v usloviyah krizisa, Ch. I, *Doklady Instituta Evropy*, №337, In-t Evropy RAN, Moscow, Russia.
- Investment in Human Capital – Assessing the Efficiency of Public Spending on Education (2017) *European Commission*, DG ECFIN.
- Kargalova M.V. (ed.) (2016) Social'noe razvitie Evropy: problemy i perspektivy, *Doklady Instituta Evropy*, №326, In-t Evropy RAN, Moscow, Russia.
- Kvashnin Yu.D. (ed.) (2016) Social'noe gosudarstvo v stranah ES: proshloe i nastoyashchee, IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Kuznecov A.V., Hesin E.S. (eds.) (2013) *Ehkonomika stran ES posle vvedeniya evro: ot ehiforii 1999 g. do dolgovogo krizisa 2010-h godov*, IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Landau D.L. (1985) Government Expenditure and Economic Growth in the Developed Countries: 1952–76, *Public Choice*, no. 3, pp. 459–477.
- Lefebvre M., Pestieau P. (2017) *L'État-providence. Défense et illustration*, PUF, Paris, France.
- List F. (2005) Nacional'naya sistema politicheskoy ehkonomii, Evropa, Moscow, Russia.
- Lorenzi J.-H., Villemeur A., Xuan H. (2016) *France, le désarroi d'une jeunesse*, Eyrolles, Paris, France.
- Lorenzi J.-H., Berrebi M. (2016) *Un monde de violences. L'économie mondiale 2016–2030*, Eyrolles, Paris, France.
- Musgrave R.A., Peacock A.T. (eds.) *Classics in the Theory of Public Finance (1967)*, Macmillan, London, UK.
- Olivier É. (1867) *Démocratie et liberté (1861–1867)*, Librairie internationale, Paris, France.
- (2017) *Panorama de la société 2016: les indicateurs sociaux de l'OCDE*, OCDE, Paris, France.
- Pascual Sáez M., Álvarez-García S., Castañeda Rodríguez D. (2017) Government expenditure and economic growth in the European Union countries: New evidence, *Bull. of Geography, Socio-economic Series*, no. 36, pp. 127–133.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Harvard Univ. Press, Harvard, USA.
- Quel modèle d'État stratège en France? (2016) *Sous la dir. de Ph. Bance*, PURH, Rouen, France.
- Rosanvallon P. (1981) *La crise de l'État-providence*, Seuil, Paris, France.
- Rosanvallon P. (1995) *La nouvelle question sociale: repenser l'État-providence*, Seuil, Paris, France.
- Stiglitz J.E. (2016) *The Euro and its Threat to the Future of Europe*, Allen Lane, London, UK.
- Supiot A. (2016) État social et mondialisation: analyse juridique des solidarités, *Annuaire du Collège de France 2014–2015*, pp. 701–721.
- Tibi Ph. (2013) L'État-providence, victime inéluctable de la crise?, *Géoeconomie*, no. 65, pp. 153–168.
- Tobin J. (1989) *Policies for Prosperity. Essays in a Keynesian Mode*, MIT Press, Cambridge, USA.
- Zandano G. (1985) Collective Choice, Social Welfare and Economic Growth, *Public Expenditure and Government Growth*, Basil Blackwell, Oxford, UK, pp. 83–98.
- Zimcik P. (2016) Economic Growth and budget constraints: EU countries panel data analysis, *Rev. of Economic Perspectives*, no. 2, pp. 87–101.

State-Protector or Social State in Europe: at the Crossroads

Author: Klinova M., Doctor of Science (Economics), Lead Researcher of the Center for European Studies at the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** marina.v.klinova@gmail.com

Abstract. The article deals with the problems of the concept of a state-protector (“Providence”) or social state in Europe. It is shown that the social state has historical roots and is subdivided into three types. Particular attention to this problem is traditionally given in France and in the studies of the French specialists. The ancient, long-existing, and new urgent problems of the social state are analysed. A hypothesis has been put forward that the current positions of a state-protector will be weakened by a change in socio-economic conditions and the political landscape in European countries.

Key words: the State, European Social Model, GDP, Public Spending, Human Capital, the Market, Crises.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019151162>